

Вергилий

ЭКЛОГИ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Публий Вергилий Марон (70–19 до н.э.) — не только ярчайшее явление римской литературы, но и (для меня — прежде всего) некая метафизическая сила, действующая за пределами хронологических и литературоведческих условностей. Вергилий с трудом вписывается в хронологию даже своей собственной судьбы. Он — всегда больше, масштабней, чем то, что его окружало (последние дни Римской Республики, принципат Августа), больше, чем его современники, среди которых — Гораций, Проперций, Тибулл. Эта сила Вергилия действует с одинаковой непреложностью в пастьущих «Буколиках» и в разверстой «Энеиде». В отличие от многих античных поэтов, Вергилий не окликает нас издалека; поэт проламывает все преграды, отделяющие его от нас. Вспомним, как в «Первой песне» «Ада» Данте при встрече с Вергилием на мгновенье забывает о своем страхе (*Tu se' lo mio maestro e 'l mio autore...*).

В Европе и в Северной Америке разговор с Вергилием не прекращался. Каждый год тысячи американских школьников сдают госэкзамен по «Энеиде». Появляются новые переводы Вергилия. Вергилием бредят до сих пор. Английский античник Джексон Найт, автор книги «Римский Вергилий» (1944), занимался спиритизмом, чтобы вызвать тень великого мантуанца, а на исходе двадцатого века мой приятель, тогда еще аспирант Пенсильванского университета, общался с Вергилием во сне на предмет своей диссертации, посвященной исследованию «Буколик».

Как многие переводчики, в процессе работы над текстом я стараюсь подыскать ключ к переводу, перечитываю любимых поэтов, ищу «точку опоры» в переводах мастеров. Начав переводить «Буколики», я много думал о том, какой поэт наиболее созвучен Вергилию, но созвучие отыскалось не в книгах. В начале сентября, на приеме у врача, я посмотрел в окно и увидел, как высоченные деревья раскачивались под осенним ветром. Вдруг я

понял — эти деревья были тем самым метрономом, по которому надо сверять перевод Вергилия с латинским текстом. И я попробовал передать это упорное, могучее покачивание исполинских деревьев.

ЭКЛОГА 4

О, сицилийские музы, песнь заведем поважнее!
 Низкий подлесок, простой тамариск не всеми любимы,
 если восхвалим чащобу, пусть консула будет достойна.
 Ныне, по слову Сивиллы, настало верховное время:
 начат великий отсчет: потекла вереница столетий.
 Близится Девы приход, возвращается царство Сатурна,
 новое послано племя на землю из глуби небесной.
 Ты же, Луцина, младенца приветишь, который повсюду
 век золотой установит вместо железного века.
 О, не познавшая мужа, твой Аполлон нынче правит.
 Пусть этот век, Поллион, на тебя (ты ведь — консул) отбросит
 отсвет; пусть месяцы в сменном величьи текут друг за другом.
 Если остались следы преступлений, твое верховодство
 выведет скверну и землю избавит от вечного страха.
 Он удостоится жизни богов, увидит героев
 между богами, они его тоже заметят. Он будет
 править землей замиренной, на доблесть отцов полагаясь.
 Мальчик, без помощи плуга земля приготовит подарок:
 вырастит валериану и плющ, что стелется всюду,
 лилии щедро рассыплет, смеющимся сдобрит акантом.
 Сами вернуться домой молоком тяготимые козы,
 не испугается стадо коровье львиного рыка.
 Нежная поросль цветов приласкает тебя в колыбели.
 Змеи, чреватые ядом, умрут, и коварные травы
 сгинут, тогда народится для всех амом ассирийский.
 Ну а когда о героях прочтешь, о славных деяньях
 предков, научись сам узнавать добродетель,
 поле покроет волна золотистая нежных колосьев,
 и на терновнике красная гроздь винограда повиснет,
 каплями меда вспотеет кора могучего дуба.
 Но не исчезнут вполне следы старинных ошибок,
 нас понуждающих море пройти на судах, опоясать
 стенами — город, и пахоту плугом взрывать ежегодно.

Новый объявится Тифис; Арго с отборной командой заново в плаванье выйдет; будут новые войны, снова великий Ахилл отправится ратовать в Трою. После, когда возмужаешь, окрепнув по мере взросления, промысел прежний забудет моряк, сосновая барка — мену товаров; повсюду пребудет земля всеобильна. Почву не вспорет мотыга, серп пощадит виноградник, упряжь волов подъяремных пахарь избавит от гнета. Шкура овечья разучится лгать заемной окраской, овцы сами собой сменят прежнюю масть на багрянец, по луговинам гуляя, шафраном расцветят подшерсток, или же суриком нежным волнистая шерсть отольется. *Пряжа великих столетий, бег начинай веретенный*, — молвили Парки в согласие с божественным предназначеньем. Скоро время придет — удостоишься чести великой, Милый потомок богов, Юпитера отпрыск могучий. Видишь, покатаая тяжесть земли покачнулась, всё вместе — страны без счета, глубокое небо, морские теченья, радостно мир устремился навстречу грядущему веку. Если б под старость хватило дыхания жизни продленной, чтоб рассказать о тебе, поведать всё без остатка, даже фракиец Орфей не взял бы верх в песнопеньи, Лин не вышел бы первым, пусть Лину придет на подмогу Феб, прекрасный родитель, Орфею — мать Каллиопа. Пан, соревнуясь со мной, даже Пан — на суд всеаркадский я выношу состязанье — признает себя побежденным. Мальчик, настала пора улыбнуться на взгляд материнский (долго носила тебя, десять месяцев трудных носила). Тот, кто улыбку таит от матери милой, с богами яства делить не достоин, ложе — с прекрасной богиней.

ЭКЛОГА 6

Стих сиракузский впервые сочла непостыдной забавой наша Талия, чащобу избрав достойным жилищем. Песнь о царях и сраженьях едва лишь я начал, Кинфийский бог меня за ухо взял и напомнил: на пастбище, Титир, овцам тучнеть надлежит, но пусть истончается песня. Нынче (поскольку найдутся другие, которым охота Вар, славословить тебя или петь о войне безотрадной)

музе окрестных полей подыграю на тонкой свирели.
 В песне своей подчиняюсь приказу, но кто-то, быть может,
 это прочтет и, быть может, полюбит — весь лес, тамариски
 будут тогда шелестеть о тебе. Ничего нет любезней
 для Аполлона, чем свиток, где имя твое начертали.
 Музы, начните! Храмид и Мнасилл увидали в пещере —
 мальчики — спящего крепко Силена, жилы раздулись
 у распростертого — так, как всегда — от вчерашней попойки.
 Невдалеке, соскользнув с головы, лежали гирлянды,
 рядом висела тяжелая чаша с истертым захватом.
 Мальчики — часто обоих дурачил старик, обещая
 песню — подкрались к силену и цепко гирляндой обвили.
 Эгла, союзница их, пришла на подмогу робевшим
 (Эгла — наяда прекрасней других), едва он проснулся,
 темя его и виски измазала тутовой кровью.
 Он над проделкой смеялся: «Зачем вы меня обвязали?
 Путы порвите, мальчишки! Взяли верх и — довольно,
 песни, какие хотите, спою вам, будет вам песня,
 с Эглой сочтусь по-другому». Тут начал он пенью.
 Ты бы увидел — фавны и звери в согласьи с напевом
 танец вели, неуступчивый дуб покачивал кроной.
 Не вызывал столько радости Феб у кряжей парнасских,
 не восхищались Орфеем столь пылко Исмар и Родопа.
 Пел, как в огромных зияньях стянуты были крупницы
 почвы и воздуха вместе с зернами влаги соленой
 и семенами текучих огней — из этих начатков
 образовался весь круг уплотнявшейся нежной вселенной;
 затвердевала земля, в моря оттесняя Нерея,
 и получали предметы свои очертанья и формы.
 Пел, как земля замирала, едва освещенная солнцем,
 как проливались отвесней дожди из поднявшейся тучи,
 лес начинал выпрямляться, и редкие звери бродили
 в новых горах, вызывавшие видом своим удивленье.
 Пел он о Пирре, кидающей камни, о царстве Сатурна,
 следом — о птицах кавказских и воровстве Прометея;
 после — о поисках Гилла возле источника. «Где ты,
 Гилл?» — моряки его звали, прибрежный песок отзывался.
 Он утешал Пасифаю — счастливую, если бы только
 не было пастбищ — в страсти к быку с белоснежною кожей.
 Что за безумье тебя охватило, несчастная дева!
 Дочери Прета наполнили нивы ложным мычаньем,

но ни одна не желала постыдного совокупленья,
хоть и боялась ходить под ярмом, распахивать землю,
или все время искала рога на гладком надбровье.
О, несчастливая дева, в горах ты бесцельно блуждаешь.
Бык белоснежный лежал на мягком ковре гиацинтов
и возле черного дуба разжевывал блеклую поросль
или другую преследовал в стаде огромном. «Закройте,
нимфы диктейские, напроочь закройте лесные проходы,
что если мне на пути попадетсЯ, явится взору
след заплутавших копыт; он увлекся зеленью травной
и потерялся; быть может, разыскивал стадо впустую,
хоть бы телица какая-нибудь довела до гартинского хлева...
Пел, как плоды Гесперид задержали бегущую деву,
после — сестер Фаэтона охватывал панцирем мшистым
горькой коры, а потом из земли поднимался ольшаник.
Пел он о Галле, скитавшемся возле Пермесских потоков,
об уведенном одной из сестер в Аонийские горы:
каждый, кто был с Аполлоном, почтительно встал перед Галлом,
и говорил ему Лин, пастух и певец вдохновенный,
кудри цветами украсив, горьким покрыв сельдереем:
«Этой цевницей — прими ее в руки — тебя одарили
музы; ее предыдущий хозяин, старец аскрейский,
крепкие ясени вниз уводил по горному склону.
Пусть порасскажет напев о началах Гринейского леса
так, чтоб не мог Аполлон другою похвастаться рощей.
Что я о дочери Ниса скажу, о Сцилле, чьи бедра
белые — ходит молва — опоясаны лаем чудовищ.
Ах, как терзала она корабль Одиссея в пучине,
сворой морскою рвала моряков оробевших на части...
В песне поведал Силен, как тело Терея менялось,
чем накормила его Филомела, чем одарила,
в дебри какие она улетала, как поднималась
в скорбном полете над домом и, крылья расправив, кружила.
Все, что блаженный услышал Эврот от поющего Феба,
лаврам своим наказавшего накрепко выучить песни,
пел он, и песен отзвучье до звезд возносили долины.
Пел он, пока против воли Олимпа не выступил Вечер
и не заставил овец перечесть и вернуться в овчарню.

Перевод с латыни Григория СТАРИКОВСКОГО.